

18+

На Вербной улице СВЕТИТ СОЛНЦЕ

Ольга Максимко

18+

Ольга Максимко

На Вербной улице светит солнце

«Автор»

2026

Максимко О.

На Вербной улице светит солнце / О. Максимко — «Автор»,
2026

Дима и Дина переезжают в другой город, чтобы начать все сначала, но очень скоро о семейной тайне Карнауховых узнает вся школа. Как жить дальше, когда не получается отпустить ошибки прошлого? Что делать, если больше некуда бежать?

© Максимко О., 2026

© Автор, 2026

Содержание

1	5
2	9
3	12
4	15
Конец ознакомительного фрагмента.	18

Ольга Максимко

На Вербной улице светит солнце

Время уносит в вечность и радость, и боль, и счастье, и страдание...

1

Пыль и жара. Топот десятков ног. Запах пота, смешанный с дезодорантом и дешевыми сладкими духами. Толпа подростков обступила двух дерущихся парней. Кто подбадривал, кто советовал, кто просто кричал, вздымая кулак, подобно австралопитеку. Девочки визжали и закрывались руками, но сквозь пальцы их глаза горели жадным интересом.

Поддержка толпы лишь подогревала пыл бойцов. Новичок уже явно выдохся, но услышав от кого-то «Видел, как он левой зарядил?», ринулся к противнику с новыми силами. Он был крепко сложен. Мускулы бронзовели на солнце, а туго натянутая мягкая кожа лоснилась от пота и крови. Каштановые волосы чуть ниже скул висели сосульками. Светло-карие глаза впивались в противника с яростным азартом.

Напротив Новичка, выставив перед собой окровавленные кулаки – Гера. Он покачивался с ноги на ногу, густо сплевывая кровь. На тонких губах легкая улыбка, а зелёные глаза живо анализировали Новичка. В отличие от него Гера выглядел сублимным, но это только иллюзия. Ещё никто не побил его рекорд по подтягиваниям на турнике и брусках. Гера тоже был загорелым и подтянутым. Уши у него трогательно топорщились, но парень ничуть этого не стеснялся. Он сбрасывал волосы, ощущая себя так более мужественно, и это только выделяло его особенность.

– Ну, нападай, патлатый, – прохрипел Гера.

У парня ужасно ныли ребра с правой стороны. Он изо всех сил держал себя в вертикальном положении, покачиваясь с ноги на ногу, будто разогреваясь.

Новичок сделал шаг, пряча лицо за свинцовыми кулаками. Ещё шаг. Резкий замах. Удар. Гера юрко увернулся и вцепил Новичку прямо в ухо, а затем, пользуясь моментом, обрушил кулак на незащищенную скулу.

Толпа ахнула единым духом. Бой был окончен – Новичок лежал вниз лицом, не подавая признаков жизни.

Гера, поморщившись, присел рядом с ним на корточки.

– Закончили? – выдохнул он.

Новичок медленно повернулся и посмотрел на Геру тем же острым яростно-азартным взглядом.

– Много... хочешь... – просипел он, поднимаясь с земли.

– Он встает!

– Видел?

– Бедный...

– Не вставай, Новичок.

Новичок потряс головой, встряхнулся, пару раз прыгнув на месте. Затем он снова принял боевую стойку. Скула горела красным пятном.

– Ну, смотри, – удивленно проговорил Гера.

В драке парни не использовали грязных приемов и не оскорбляли друг друга.

Они сошлись. Новичок снова стал наступать. В голове его поселился густой туман, напоминающий вату, в ушах звенело. Адски болела скула, а дотронувшись языком до зуба, Нови-

чок ощутил, что тот шатается. Он стиснул зубы. Главное попасть по ребрам. Видно, что Гера бережет правую сторону.

Снова замах, но на этот раз с обманным уходом в сторону, и вот он – момент. Гера открыл ребра и моментально получил удар тяжелого кулака.

Теперь Гера упал в пыль, сжимая зубы, чтобы не закричать. Из уголка глаза выкатилась предательская слезинка и потекла по щеке. Встать не получалось. Гера слышал, как все шепчутся, но не мог подняться и дать отпор.

Новичок нетвердо подошел к нему, наклонился и подал широкую ладонь. Гера колебался какую-то долю секунды. Но решил в конце концов, что так будет правильнее всего, и принял помощь.

Гера хотел едко пошутить, но из горла вырвался только сдавленный хрип.

Новичок подтянул парня с земли и, закинув его руку себе на плечо, повел прочь.

– Почему не добил? – просипел Гера.

На пустынной улице их обступали облезлые кособокие пятиэтажки, деревянные двухэтажные бараки. За обшарпанным серым зданием городского музея – направо, прямо в зияющий чернотой провал подъезда.

Дом, где жил Новичок, находился по Вербной улице, и быстрее всего до него можно было добраться пройдя по широкому проспекту Ленинского комсомола. На стене красовался мужской половой орган внушительных размеров, извергающий эякулят прямо на подъездную дверь. На скамейке, щедро поливая слюной просиженное дерево, сладко спал седой мужичок в фуфайке. На земле под ним растеклось внушительное мокрое пятно, а вокруг стояла крепкая вонь мочи и грязного тела.

Зелёные стены сплошь покрывали нецензурные надписи, рисунки, номера с подработкой.

И Гера, и Новичок кривились переступая по ступенькам, первый едва слышно кряхтел.

Новичок жил на втором этаже. Он нашарил в кармане ключ, повернул в замке и раскрыл дверь. Канализационная вонь сменилась приятными ароматами ванили и шоколада.

Разуваясь, Гера привалился к стене, а Новичок оперся рукой о скрипучий рыжий шкафчик.

– Привет! – в коридоре появилась светловолосая худенькая девушка с кудряшками и широкой улыбкой, которая мгновенно померкла.

– Что случилось? – спросила она упавшим голосом. – Дима, ты опять?

– Дин, ты не волнуйся. Я не опять, – ответил Новичок веселым голосом.

– Три дня прошло, а ты уже подрался, – чуть не плакала девушка. – Ну что мне с тобой делать.

Она бессильно прижалась к стене, опустив руки на подол. Только теперь она обратила внимание на гостя и встрепенулась.

– Хотя бы друга нашел, – пробурчала девушка, отклеиваясь от стены. – Меня Дина зовут.

– Женя, – выдохнул парень.

– Кушать будете? Суп есть, тортик испекла, – предложила сестра, стараясь звучать неприужденно.

– Да нет, – ответил Дима, глянув на Геру (тот отрицательно мотнул головой), – потом может.

– Ну ладно, – сдалась Дина. – Тихо только, Паша спит.

Дима двинулся по коридору, Женя побрел за ним.

Дина взглядом проводила парней и с тяжелым вздохом вернулась на кухню.

Комната Новичка выглядела не по-пацански – это Гера отметил, едва переступив порог. Через открытое окно, занавешенное невесомым тюлем, проникало много света и свежести. Постель аккуратно заправлена однотонным светлым покрывалом. Ни носков под ступом, ни

небрежно брошенной грязной футболки. Идеальный порядок. В углу, за дверью – мольберт со схематичным наброском. Над столом полка с кубками и медалями, а по стенам развешаны рисунки, изображающие людей и животных. Здесь Гера почувствовал себя лишним. Он-то только грязный оборванец, который не факт, что закончит одиннадцатый класс. Захотелось разрушить порядок – побивать рамки, снести кубки. Но вместо этого Гера осторожно прошел по скрипучему полу и тихо опустился в потертое кресло.

– Не добил, потому что спор этот – идиотский, – проговорил Дима, садясь на пол у кровати. – Выхода у тебя не было, я понимаю.

– Не было, – согласился Гера.

Он развалился в кресле и почувствовал, как расслабляются плечи.

– А я бы добил, – добавил он, блаженно закрывая глаза.

Когда Дима появился в новой школе, к нему тут же приклеилась кличка Новичок. Имя запоминать долго – Дим вокруг пруд пруди, а вот Новичок один. Девочки хихикали, перешептываясь, на кого он посмотрел, проходя мимо по коридору. Парни тоже отметили новенького со странной прической. Было решено, что драки между ним и Герой не избежать. Но ее не было. Новичок «не отвечивал». Хотя многие задавались вопросом, зачем парню такие патлы? Когда стало ясно, что зрелищ ждать не придется, решили поспорить, кто окажется сильнее – субтильный, но резвый Гера или здоровый Новичок. Как-то на уроке Гера услышал разговор:

– Ты видел его, он же шкаф, – шептал один. – Уложит и не заметит.

– Хотел бы я посмотреть на это, – тихо посмеивался второй.

А потом к нему подошел знакомый из десятого и спросил, сможет ли Гера уложить новенького.

Оказалось, что большинство ставило на Новичка. В этот же день Гера подошел к нему.

– Сегодня после уроков. На пустыре за гаражами. Не придешь, считай зассал.

Новость тут же разлилась по школе бурным потоком, передаваемая из уст в уста.

С самого начала драки парни не уступали друг другу ни в выносливости, ни в ловкости, ни в силе. Гера не мог проиграть, а Новичок просто дрался, как умел. Он знал, что не проиграет.

Сейчас Дима прижимался спиной к краю кровати, согнув длинные ноги. Он тоже закрыл глаза и откинул назад голову, сложив руки на коленях.

С тихим шорохом пузырем раздувался и опадал тюль, за стенкой протяжно зевнул спящий малыш.

Гере показалось, что он ощущает запахи акварели и свежей бумаги. Его мысли блуждали где-то далеко. Как бы сложилась его собственная жизнь, если бы не... Когда-то он тоже любил рисовать, наверное, и в олимпиадах участвовать мог бы. Что было бы с ним, получи он шанс прожить жизнь ребенка, как принято говорить, из благополучной семьи? Где-то далеко-далеко раздавались тихие звуки музыки, пианино. Иногда перед тем, как провалиться в сон, Гера слышал в своей голове прекрасную, виртуозно исполненную музыку.

– Зачем тебе патлы такие, – тихо произнес он, прогоняя дремоту.

– Нравится, – ответил Новичок после короткой паузы.

– Расчесывать же надо, – задумчиво проговорил Гера, не открывая глаз. – Мыть, блин.

– Да, – согласился собеседник, не в силах сдержать смех.

– Хочешь покурить? – спросил Новичок, поднимая голову и открывая глаза.

– Есть такое, – оживился Гера.

Парень дотянулся до ящика стола, достал пачку сигарет в блестящей синей упаковке и прозрачную зеленую зажигалку.

Гера затянулся и обомлел. Вместо привычной горечи легкие наполнил сладковатый дым. Парень замер на пару секунд, наслаждаясь легкостью и ненавязчивостью вкуса. Когда он выдохнул белые клубы, на языке осталось приятное сливочно-ореховое послевкусие, а губы растянулись в улыбке.

Лучи заходящего солнца подсвечивали поднимающийся к потолку сигаретный дым, оранжево-золотистые отсветы играли на тонких пальцах парней, блестящей столешнице, на мольберте.

Гера затягивался с трепетным наслаждением. Он курил, пока фильтр не стал обжигать пальцы. Тогда парень сделал последнюю затяжку и аккуратно положил окуроч в пепельницу.

– Тебя как зовут-то? – спросил вдруг Гера.

– Дима, – коротко отозвался собеседник.

– А я Женя.

2

– Дима... – осторожно начала Дина, сидя напротив брата с маленьким Пашей на руках.
– Давай поговорим.

На мизерной кухне едва умещалось все необходимое: плита, холодильник, две тумбы и четыре верхних ящика, оклеенных зеленой пленкой. У окна уютился небольшой обеденный стол с тремя табуретками, две из которых занимали сейчас брат и сестра. Дина плакала. Дима заметил, что глаза у нее припухли.

– Дин, все нормально, я тебе обещаю, – улыбнулся парень. – Женя – пацан нормальный. Просто... – Дима погрузил в рот ложку с супом и закончил, пережевывая, – по-двоему из-за яа.

– Нельзя по-другому... – повторила Дина. – Ну, может быть. Ты только... Закончи школу, Дим. Пожалуйста.

Глаза Дины стали влажными. Шмыгнув носом, она сквозь слезы улыбнулась сынишке и потрепала его пухленькие щёчки. Паша лепетал что-то, теребя цепочку с крестиком на Дининой шее и громко рассмеялся в ответ на ее ласки.

– Я видела набросок, – сказала сестра, смахивая слезинки тыльной стороной ладони. – Очень красиво.

– Да... – ответил Дима, выкладывая на тарелку кусочек манника. – Когда закончу, будет моя лучшая работа.

Дина, одной рукой прижимая к себе Пашу, залила кипятком чайные пакетики в двух кружках.

– Много уроков? – спросила она отпуская сына на пол.

– Не сказал бы, быстро справлюсь – и к тебе.

Все задания были связаны с ЕГЭ. По предметам, которые не сдавались, задавали символически. Дима быстро сделал уроки и, уверенный в правильности решений, отправился к Паше.

Малыш пах сливочными конфетами. Это был счастливый полуторагодовалый карапуз. Он обожал Диму, и сейчас встретил его широкой улыбкой во все шесть зубов.

Сделав уроки и уладив свои дела, Дима помогал сестре с малышом, чтобы она могла помыться и хотя бы немного отдохнуть. Хрупкая девятнадцатилетняя девушка содержала быт, воспитывала сына и была опекуном для своего семнадцатилетнего брата.

– Ну что, бутузик, – весело проговорил Дима. – Давай книжку читать.

Малыш обожал книжку о животных: коровка – «му-му», собачка – «гав-гав».

После был пальчиковый театр и домики из кубиков, которые Паша рушил с громким смехом.

Дина вышла из ванной без малого через час. Комнату наполнил аромат малинового скраба.

– Спасибо, Димка, – как обычно поблагодарила Дина, обнимая брата. – Давай дальше я. Дима скрылся в своей комнате. Он ждал этого.

Запах мягкого грифеля, успокаивающая «музыка карандаша» и, конечно, Вика. Сегодня у него не было портретов на заказ, поэтому можно творить.

Набросок на мольберте за дверью изображал её – Вику Зубареву – ту, что не покидала Диминых мыслей. Высокая красавица с тяжелыми светлыми волосами, она будто существовала в другой реальности. Тонкая и утонченная. Взгляд её зеленых глаз с поволокой уже давно снился парню. Каждая деталь заставляла его тело трепетать. Она стригла ногти очень коротко, а выпуклые мягкие подушечки делали ее пальцы по-детски трогательными. Она собирала волосы в тугую косу или хвост, обнажая высокую шею и небольшие ушки. Она носила вельветовую юбку до колен, и выглядела в ней более притягательно, чем в мини.

Это не было влюбленностью или симпатией, хоть Дима и думал по-другому. Однажды появившись в классе, девушка стала его музой, и Дима любовался ею со стороны.

С наброском он работал уже давно. Слишком давно.

Он усердно наносил штрихи, выводил линии и изгибы тела, потом отходил на шаг и оценивал работу. Несколько раз приходилось безжалостно стирать весь результат. Не нравилась поза. Наклон головы. Волосы. Положение пальцев. В конечном счете недовольство сводилось к одному – в наброске не было души. Тогда Дима снова откладывал карандаш, мыл руки и засыпал. Он знал, что когда-то покорит эту вершину. Но пока восхождение осложнялось слабой подготовкой.

По пути к своему дому Женя думал о справедливости. Чем он хуже Новичка. Почему одним все, а другим...

Он пересек улицу Ленинского комсомола, проспект Дружбы и свернул у магазина «Уют» на Кирпичную. Здесь дорогу обступали ряды обветшалых пятиэтажек. Из верхних окон слышались крики и пьяные завывания. Ступив на улицу, где прошло все детство, Женя почувствовал себя спокойно. Он достал помятую пачку «Тройки» и закурил. Попыхивая дымом, дошел до подъезда, где бабуля в бледном платочке и застиранном халате мягчила землю в клумбе с гладиолусами.

– Привет, бабтань! – выкрикнул парень и хитро захихикал, застав старушку врасплох.

– Ах ты, злыдень! – прошамкала старушка, махнув маленькой тяпочкой. – Испугал.

Женя задержался у подъезда, докуривая сигарету.

– Дались тебе эти цветы, – мягко проговорил он, зажимая сигарету зубами, – сосед Матвей нужду справляет здесь.

– Нехай справляет, – упрямилась бабушка. – земля все примет.

Она тяжело разогнулась и посмотрела на парня затуманенными старостью глазами.

– Лихо кругом какое, Женя, – она искоса глянула на окна первого этажа. – А цветы, они радость приносят. Они же как дети, как без них тошно.

– Ага, – согласился Женя. – Ну бывай, бабтань.

Небольшая однушка пропахла перегаром и дешевым куревом. Деревянное окно было распахнуто настежь, но запах сгоревших макарон еще не выветрился – темно-серый дым витал под потолком. Старый просиженный диван Жени стоял в углу комнаты. Войдя, он бросил на него свой рюкзак и опустился следом. Рядом располагался диван, где спали родители. Напротив – маленький замызганный телевизор на облезлой тумбочке. Пол усеян окурками, крышками и полторашками. Женя достал телефон, желая отвлечься, но, покачав головой, отложил его и стал собирать бутылки. Бросив окурки, Женя растер его подошвой серого кроссовка и зашагал в подъезд. У двери квартиры на третьем этаже парень ощутил накатывающую волнами тревогу. Кричала и выла его мать. Женя аккуратно открыл дверь, и подъезд огласился воплями и отборным трехэтажным матом. Поморщившись, парень небрежно скинул обувь и проскользнул в свой угол.

Войдя на кухню с охапкой полторашек в руках, он увидел родителей. Собранные в куцый хвостик нечесанные волосы матери топорщились грязными петухами. Под глазами комки застарелой туши, искусанные в кровь губы опухли от слез. В дрожащей руке она держала сигарету и затягивалась, сотрясаясь всем телом. Она стояла у окна в своем цветастом халате на молнии из которого торчали ноги-спички, обутые в стоптанные дырявые тапки.

Мать, прислонившись к окну, выпускала дым в форточку. Отец сидел, прижавшись к краю грязной плиты. Короткими пальцами левой руки он водил по лысине на затылке, а пальцами правой сильно сдавливал сигарету.

– Женечка... – пьяно протянула мать, протягивая к сыну тощую руку.

– Что у вас опять? – спросил парень, бросая в ведро бутылки.

– Я жрать хочу, – подал голос отец. – А эта...

– Да рот закрой свой, клоп, – завизжала мать.

– Дура-а! – загромыхал отец. – Пасть закрой!

– А ну оба заткнулись! – выкрикнул Женя.

Мать сжалась у окна, глядя себе под ноги.

– Я сейчас все приготовлю, – спокойно сказал парень. – И будем ужинать. Только не орите.

Отец поднялся – он был на голову выше сына – и вышел из кухни. А мать следила за каждым жениным движением.

Парень выбросил в ведро черные макароны и вымыл сковородку. Начистил лук, натер морковь. Пока все обжаривалось, сварил макароны, открыл тушенку. Кухня напилалась ароматом шкворчащей поджарки.

– Какой ты молодец у меня, Женечка, – слабо проговорила мать, все так же стоя у окна. – И где ты всему научился...

– Жизнь научила, мам, – с улыбкой ответил парень. – Бать, пойдём есть! – крикнул он в проход.

Мать ела, стоя у окна. Женя – сидя у стены напротив отца, а отец снова прижался к теплой плите.

– Сынка, ну спасибо, – благодарил мужчина с набитым ртом, ритмично накалывая макароны на вилку. – Померли бы с голодухи без тебя.

Женя кивнул и грустно улыбнулся.

После еды он вымыл тарелки и собрал остатки мусора в комнате. Мать включила телевизор и почти сразу уснула, а отец, переговорив с кем-то по телефону, ушел из дома и не возвращался до глубокой ночи.

Женя наскоро сделал уроки и ещё долго смотрел по телевизору «Поле чудес», но мысли его были где-то далеко-далеко. Он думал о справедливости. Почему жизнь обошлась с ним так...

3

Все началось в понедельник.

Нос, тощий горбоносый девятиклассник, пришел в школу с бомбой замедленного действия – самой грязной сплетней. И кто сказал, что сплетни – удел девочек.

На выходных он рассказал о драке парням во дворе. Слово за слово, и Хилый узнал в Новичке Диму Карнаухова – они вместе учились в другом городе. Оказалось, что с парнем связана история, о которой здесь еще никто не знал.

– Истоия стыанная, – картавил Хилый.

Нос слушал, затаив дыхание. Он потирал вспотевшие ладошки, а когда рассказ закончился, протянул с лающим гоготом:

– Ну и ме-ерзость.

Теперь он шел с полным намерением ошарашить одноклассников, раскрыв им тайну Новичка.

Сначала разговоры пошли среди девятых классов, и к обеду этого же дня, словно болезнь, распространились по всей школе. Довольный собой, Нос снова и снова рассказывал одну и ту же историю, всякий раз добавляя что-то от себя.

Дима спускался в столовую, думая о чем-то своем, когда Рамиль, одноклассник, догнал его.

– Ты вообще слышал, что по школе говорят, – спросил он с легким акцентом.

– Что говорят? – повторил Дима, не придав словам одноклассника особенного значения.

– Говорят, что ты сестру свою... того, – сказал Рамиль, останавливаясь. – Говорят, что ребенок у нее.

Дима почувствовал, как краснеют уши и шея. Он резко повернулся к Рамилю, схватил его за предплечье и толкнул в сторону.

– Кто говорит? – спросил он яростно.

– Нос всем рассказывает, из девятого, – испуганно объяснил парень.

– Это неправда, – устало проговорил Дима, отпуская руку Рамиля.

– Конечно, неправда! – горячо поддержал парень. – Я так и сказал: “Не пи... говорю”.

Отступив, Дима на ватных ногах побрел по шумному коридору. Ему казалось, что все смотрят на него и шепчутся. Казалось, что каждый замыслил какую-то гадость, что сейчас толпа набросится и растерзает его. Голова превратилась в огромный звенящий колокол, а мысли неистово метались, не находя ответа на единственный вопрос – как же так. Стало ужасно мерзко, тошно... невыносимо.

Не дойдя до столовой Дима свернул и вышел на школьное крыльцо. Что теперь делать? Они снова оказались под ударом. И он, и Дина, а теперь и Паша.

Группка девочек-девятиклассниц встретила его смущенным смехом, одна краснея поздоровалась: «Привет, Новичок». Дима прошел мимо них, не обратив малейшего внимания. Пересекая футбольное поле, он встретил двоих парней. Один толкнул другого в бок, тот сделал вид, что поперхнулся, сдерживая смех. Диме показалось, что в спину ему прозвучало что-то похожее на «извращенец». Он стиснул зубы и вдохнул так глубоко, насколько хватило легких. Кулаки самопроизвольно сжались до белых костяшек.

Когда Дима шагал по пустой парковке, его увидел подходивший к школе Гера.

– Димас! – выкрикнул он, приветственно поднимая пятерню.

Новичок не поднял головы.

– Фиу, Новичок! – свистнул Гера.

Дима удалялся все дальше, не оборачиваясь. Вряд ли он не услышал.

Сведя брови на переносице, Гера провел рукой по ежику на голове и зашагал к школе.

Он вошел в класс со звонком. Как обычно, не обращая внимания на недовольный взгляд учителя, прошел по классу и, опустившись на место, поднял свои зелёные глаза.

– И вам здравствуйте, Евгений, – произнес старичок в видавшем виды костюме, испачканном мелом. – Откройте ваши сборники, начнем с проверки домашней работы, – сказал он громче, обращаясь к классу.

Когда к доске для решения задачи вышла троечница и стала сбивчиво объяснять путь решения, сосед Геры по парте шепотом спросил:

– Слышал новость?

Парень записывал решение и, давая знак продолжать, дернул подбородком.

– Новичок из одиннадцатого “А” – извращенец. Его сестра от него ребенка родила, – рассказчик прыснул в кулак, приподняв брови. – Прикинь.

Рыжий противно скалился, кривя веснушчатое лицо.

– Нерин, вы закончили? – обратился к нему учитель.

Парень тут же посмотрел в тетрадь с напускной серьезностью.

Гера замер. Он растерялся, и даже забыл, что хотел написать. Он был дома у Новичка. Видел сестру. У нее действительно есть ребенок. Нет. Не похож Димас на извращенца.

– Откуда узнал, – тихо спросил Гера, не поднимая от тетради глаз.

– Да все уже знают, – горячо зашептал сосед. – Мне Любавин рассказал из десятого, а ему брат из шестого.

– Ну, понял, – небрежно ответил Гера, возвращаясь к решению задачи.

Дима бродил по улицам и никак не мог успокоиться. Самым страшным для него было то, что Дине снова придется пережить тот кошмар. Она оправилась, пришла в себя и полностью растворилась в воспитании Паши, домашних заботах, но... Иногда Дима засиживался до глубокой ночи и слышал, как сестра рыдает. Уткнувшись в подушку в своей комнате, она громко всхлипывала и жалобно завывала. Спокойная и любящая, она никогда не показывала, что ее мучают призраки прошлого.

Дима не знал, куда его несут собственные ноги. Он просто шел, пока не закололо в боку, пока дыхание не сбилось. И только тогда, замедлив шаг, парень огляделся. Справа возвышались величественное белое здание с высокими колоннами и лепниной. Когда-то это был кинотеатр «Олимп», так гласила полуистлевшая табличка без одной буквы. Сейчас он не принимал посетителей – окна были наскоро заколочены разномастными досками, ступеньки на массивном крыльце растрескались, а стены покрывали рисунки и надписи. Дима подошел ближе и прикоснулся к колонне. Интересно, его родители бывали в этом кинотеатре? Парень закрыл глаза, стараясь представить, как его мама и отец, совсем молодые, может быть, такие, как он сейчас, поднимаются по этим самым ступенькам, взявшись за руки. Теперь он никогда не узнает, могло ли это быть правдой.

За кинотеатром начинался непролазный запущенный парк. Дима спустился и побрел туда. Разросшиеся кроны высоких деревьев скрывали солнечный свет. В этой изумрудной тени пахло мхом и землей. Воздух здесь был плотным, тягучим. Где-то высоко вели свою ленивую переключку птицы, в траве жужжали насекомые и все это сопровождал шелест миллионов зеленых листочков.

Дима не слышал своих шагов, утопающих в мягком ковре мха и прелых листьев. Он тихо пробирался сквозь заросли, наслаждаясь отсутствием людей. Здесь никому не было дела до его секретов. Здесь он чувствовал себя, как дома. Показалось даже, что откуда-то из подсознания он услышал успокаивающий скрип карандаша по холсту.

Вдруг он замер на месте. В непролазной зелени тонула скамейка, на которой сидела девушка. Она смотрела прямо на Диму встревоженно и напуганно. Это продлилось всего пару секунд, затем незнакомка вернулась к своему занятию, а Дима прошел дальше.

Каштановые волосы собраны в толстый хвост, а из него крест накрест торчат острия двух простых карандашей. Густые темные брови чуть напряжены, а темно-карие глаза сосредоточены на листке бумаги, по которому носится карандаш между тонкими острыми пальчиками.

Напротив скамейки располагался фонтан. Когда-то большой, грациозный, с высокими струями, а теперь в мраморных чашах собиралась дождевая вода.

Дима сделал несколько шагов по направлению к скамейке и вздрогнул от резкого звука биения крыльев. Прямо перед ним вспорхнула и с пронзительным криком унеслась прочь большая птица.

Незнакомка негодуяще посмотрел на него.

– Ну вот, спугнул, – тихо произнесла она.

– Извини, – ответил Дима, осторожно садясь рядом.

– Ты не извращенец ведь? – с легкой настороженностью спросила девушка.

Диму больно зерануло это слово. На мгновение лицо стало жестким, но он быстро овладел собой и, невесело улыбнувшись уголком рта, покачал головой.

На листке девушке рисовала сидящую на краю фонтана птицу. Рисунка было три. На одном птица склонилась к воде, на другом чистила перья, а на третьем грациозно выпрямившись смотрела в глубь леса.

– Здорово у тебя получается, – Дима кивнул на листок.

– Спасибо, – мило смутилась девушка, пряча улыбку. – Я сюда часто прихожу. Тихо, а время как будто останавливается.

Девушка точно описала ощущения Димы. Он улыбнулся и кивнул.

– Я Дима, – произнес он не поднимая глаз. – Тоже рисую, кстати.

– А я Ви, – отозвалась девушка.

Дима непонимающе взглянул на девушку. Глаза у неё были с желтыми крапинками. Чуть дальше друг от друга, чем положено. В опущке густых темных ресниц. А под правым маленькая родинка делала взгляд каким-то особенно притягательным.

– Для друзей, – пояснила Ви. – А вообще Вера.

– Вера, – повторил Дима, будто пробуя имя на вкус. – Как из сказки.

– Ну да, – согласилась девушка. – Мне уже пора.

Вера, сложив вещи в потертую кожаную сумку, поднялась. От нее нежно пахло чем-то сладким, напоминающим клубнику со сливками. Между широкими джинсами и короткой майкой виднелась полоска живота, а кожа казалась шелковой и будто насквозь просвечивалась солнцем. Очень к лицу Ви была длинная золотая цепочка, обнимающая тонкие ключицы, и темные прядки, выбившиеся из хвостика.

– И мне пора, – отозвался Дима, вставая.

Оказалось, он был сильно выше девушки. Вместе они вышли из парка.

– Мне сюда, – она указала рукой в ту сторону, откуда пришел Дима.

– Тогда пойдем.

Попрощавшись, Дима осознал, что все еще стоит на месте, провожая Веру взглядом. Из недолгого разговора Дима узнал, что Вера младше его на год и учится в гимназии. Рисует с самого детства, а еще поет и играет на гитаре.

4

– Дима, мне из школы звонили.

Дина появилась в темном коридоре, едва скрипнула входная дверь. Только взглянув на нее, Дима понял, что даже не вспоминал о произошедшем сегодня.

– Я отработаю, не переживай, – коротко ответил он, стараясь не смотреть на сестру. – Плохо стало.

– С тобой все хорошо? – затревожилась она. – Заболел?

Дима только мотнул головой и прошел в свою комнату.

Утром пришел заказ на портрет, и первым делом Дима собирался взяться за него. Заказчикам нравились его работы, и сарафанное радио приносило редкие заказы.

Сегодня предстояло начать работу над портретом очень красивой пожилой женщины. На ней был легкий макияж с акцентом на губах. Красную помаду выгодно оттеняло ожерелье из блестящего жемчуга. Волосы были аккуратно собраны в высокую прическу. Дима внимательно рассмотрел лицо, постарался уловить характер – взгляд, изгиб губ, положение головы.

Он перенес свои наблюдения на бумагу и, отложив набросок, попытался сосредоточиться на уроках. Ничего не выходило. Мысли путались, а внимание все время ползло в сторону холста за дверью.

Наконец, Дима, шумно выдохнув, отодвинул тетрадь и, скрипя половицами подошел к наброску. Лишь набор линий. Обычно, начиная очередное восхождение, Дима чувствовал порыв вдохновения, желание творить.

Уже давно он работал лишь с этим наброском, не растрачивая сил ни на что, кроме оплаченных заказов. Он чувствовал, что обязан закончить. Почему-то обязан. И все. Сейчас им двигал не творческий порыв. Он уже не отходил, чтобы оценить работу, рисовал непрерывно. Сначала карандашом, затем кистью и красками. Это было похоже на транс. С каждым штрихом, каждым мазком искорка в его груди превращалась в настоящий пожар.

Закончив, Дима судорожно выдохнул и сделал шаг назад. С холста на него смотрела хрупкая брюнетка с цветами в густых волосах. Это была Вера.

День в школе был настоящим испытанием. Диме удалось договориться с учителями об отработке пропущенных занятий, и это хорошая новость. А вот ходить по школьным коридорам куда труднее.

Казалось, что все вокруг шепчутся и осуждающе смотрят на него, норовя ударить исподтишка.

Многие действительно шептались и смеялись. Одни безобидно хихикали, другие открыто осуждали, третьи восхищались...

Ничего не может быть хуже толпы. Тупое стадо – куда один, туда остальные. И не важно, кто прав, а кто виноват. Разбираться не станут.

После третьего урока в классе появился Гера.

– Здорова, Новичок!

Подойдя к парню, Гера хлопнул его по спине. Он смотрел, насмешливо щуя зеленые глаза.

– Пойдем на улицу? – непринужденно спросил он.

Дима не хотел выходить, но согласился, надеясь отвлечься.

С беспокойным гомоном стрижи чертили влажный воздух, по небу степенно плыли тяжелые баржи облаков. Приятно пахло дождем, но пока на земле не было видно ни капли.

Парни отошли за парковку, где их скрыла трансформаторная будка, и Женя, шурша упаковкой, вытащил из кармана пачку сигарет.

– Не загоняйся, – проговорил он, выдыхая дым, – оно того не стоит.

Дима молча посмотрела на собеседника. Его лицо казалось добрым – мягкие черты, какая-то усталость во взгляде, широкий рот, привыкший к улыбке.

– А ты уверен, что это неправда, – с внезапным вызовом спросил Дима.

Женя замер, в упор глядя на Новичка. Между бровями пролегла складка, уши порозовели.

– Уверен, – отозвался парень.

Дима почувствовал, что ему стало немного легче. Будто часть тяжелой ноши свалилась с его плеч. Он глубоко затянулся и, улыбнувшись, проговорил:

– Ну и правильно.

Внезапно начался дождь – легкая морось, и парни заторопились обратно в школу.

– Да я не могу уже! – гроыхал отец, когда Женя вошел в квартиру. – Ты посмотри на себя!

Ему вторили пьяные завывания матери.

Войдя в комнату Женя увидел отца и мать. Первый в чистом свитере и синих трениках, кажется, был трезвым. Он держал в руке небольшую клетчатую сумку. Мать вжалась в угол у окна. Все та же – грязные волосы в хвостике, халат. Костлявыми пальцами она закрыла лицо и громко выла, сотрясаясь всем телом.

– Че у вас? – негромко спросил Женя.

Никто не обратил на него внимания, и парень привалился плечом к дверному косяку.

Отец частенько собирал вещи, но никогда не уходил. Женя привык, и сейчас просто ждал окончания концерта.

– Пообещаешь мне? – спросил отец. – Обещай!

Продолжая всхлипывать, женщина убрала от лица пальцы, посмотрела на мужа сильно опухшими глазами и закатилась в новом приступе рыдания. Она поползла к его ногам на четвереньках и схватилась за штанины.

– П-пожалуйста, – запричитала она, стуча зубами – пожа-алуйста...н-не у-уход-ди.

– Смотреть противно, – крикнул отец, мягко высвобождая ногу.

Женя не лез – мать отучила его заступаться. Что бы ни происходило, женщина занимала сторону мужа.

Мужчина поднял сумку, развернулся и, встретившись взглядом с сыном, вздрогнул от неожиданности.

– Пока, сына, – проговорил он, опуская глаза.

Услышав это, мать заскулила, впиваясь пальцами в свое лицо.

Отец сунул в руку Жени пухлый сверток денег.

– Матери не показывай, – едва различимо проговорил он. – Ты за главного теперь.

– Бать, ты вернешься?

– Нет, сына.

С этими словами отец вышел за дверь и растворился в подъезде. Квартира погрузилась в тишину, нарушаемую всхлипываниями засыпающей на полу матери.

Женя сунул деньги в карман и бережно переложил мать на диван. Она даже не открыла глаз. Укрыв её одеялом, парень ушел на кухню и долго курил, глядя в окно. Он пересчитал деньги, зажав зубами сигарету, – семь тысяч рублей.

Жене было лет десять, когда отец сказал ему одну фразу: «Алкашка медленно убивает, но я, сына, уже ничего сделать не могу. Трубы, понимаешь, горят. Горя-ят. А ты не пей – никогда. Никогда не пей» Говоря это, мужчина обдал сына тошнотворным запахом перегара и дешевой

водки. И Женя не пил. Никогда. Он пообещал, что не будет и сегодня ещё раз напомнил себе об этом обещании.

Пройдя по коридору, Женя задержался и посмотрел на мать. Она мирно сопела, укрытая одеялом – постоянно мерзнет.

Парень вышел из квартиры – подъезд встретил его запахами свежей выпечки и жареной картошки – и поднявшись на следующий этаж, позвонил в дверь квартиры бабы Тани. Старушка часто нянчила маленького Женю, а теперь он приходил к ней якобы просто так, проводить. На самом же деле шел, когда чувствовал себя совсем одиноко или тревожно.

Дверь открыла сухая старушка в белом платочке. Ее лицо расцвело улыбкой, когда на пороге появился Женя.

– Здравствуй, мальчик, – медленно произнесла баба Таня высоким хрипловатым голосом. – Давно не заходил.

– Привет, бабтань, – улыбнулся Женя одними губами. – Да все не получалось как-то.

В квартире пахло жареными пирожками, и у Жени заныло в желудке.

– Заходи скорее, – пригласила бабушка.

В коридоре старые обои отклеились у потолка и в стыках, зеркало покрывал слой пыли, и Женя с трудом смог разглядеть собственное отражение. В уголке у двери стояло жестяное ведро с тяпochкой, а рядом большой пакет с мусором.

Женя скинул обувь и прошел на кухню. На затертой чистой скатерти в тарелке с вишенками возвышалась башня из пирожков. Аппетит разыгрался не на шутку, желудок заурчал.

– Молочка сейчас, – прошамкала бабушка, – ты садись пока, мальчик.

Женя уплетал пироги с картошкой и капустой, запивая холодным молоком, и сердце его наполнялось радостью. Все тревоги вылетели из головы.

– Мать-то с отцом как? – спросила бабуля, стряхивая со стола крошки.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.